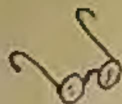
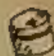
РЕНЕ ГОССИНИ

Маленький Ник и его друзья

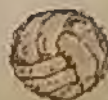

РЕНЕ ГОССИНИ

Маленький Ник и его друзья

Рассказы

Пересказала с французского
О. ОБРАЗЦОВА

Художник Е. АНИКСТ

Москва
«Детская литература»
1991

R. Goscinny

LE PETIT NICOLAS ET SES COPAINS.
Edition Denoël 1960

LES RÉCRÉS DU PETIT NICOLAS.
Edition Denoël 1961

СОДЕРЖАНИЕ

Г $\frac{4804010100-045}{М\ 101(03)-91}$ 447–90

ISBN 5–08–001656–6

Луизетта

Я не очень-то обрадовался, когда мама сказала, что к нам придёт её подруга с дочкой пить чай. Я не люблю девчонок. Глупые они. Только и делают, что играют в куклы и вечно ревут. Ну конечно, я иногда тоже плачу, когда есть важная причина,– например, я разбил большую вазу, и папа меня ругал. Зря ругал, потому что я ведь не нарочно! И ваза была очень старая... Я, конечно, знаю, что папа не любит, когда играют в мячик дома, но ведь шёл дождь!

– Ты должен быть любезным с Луизеттой,– сказала мама.– Она прелестная девочка, и я хочу, чтобы она видела, какой ты хороший мальчик.

Когда мама хочет показать, какой я воспитанный и хороший, она надевает на меня синий костюм и белую рубашку и говорит: «Не запачкай!..» Я сказал маме, что пускай я лучше пойду с мальчиками в кино смотреть ковбойский фильм, но мама сказала «нет».

В четыре часа пришла мамина подруга со своей дочкой. Мамина подруга меня поцеловала, сказала, как всегда говорят, что я большой мальчик, и ещё сказала:

– А вот и Луизетта!..

Луизетта и я, мы посмотрели друг на друга. У неё жёлтые косички, голубые глаза, нос как нос и красное платье. Мы ткнулись пальцами, вроде как поздоровались.

Мама позвала всех пить чай, и это хорошо, потому что когда у нас гости, то к чаю всегда шоколадные пирожные, и можно брать по второму разу. Во время чая мы с Луизеттой молчали. Мы ели, я на неё не смотрел, и она на меня не смотрела.

Когда кончили пить чай, мама сказала:

— Теперь, дети, ступайте играть. Ник, пригласи Луизетту к себе в комнату и покажи ей свои игрушки.

Луизетта и я пошли в мою комнату. Я не знал, о чём с ней говорить. Луизетта первая начала. Она сказала:

— Ты похож на обезьяну.

Мне это совсем не понравилось, и я сказал:

— А ты... ты просто девчонка! Вот кто ты!

И тут она меня стукнула изо всех сил. Я чуть не заплакал, но сдержался всё-таки, я только дёрнул её за косу. А она меня ударила ногой. Очень больно. Я собрался дать ей как следует, а она вдруг говорит:

— Покажи твои игрушки!

Я даже не успел ей сказать, что это игрушки мальчишечьи. Она уже ухватила моего плюшевого мишку, которого я наполовину обрил папиной бритвой. Сбрил только половину, потому что бритва сломалась.

— Ты играешь в куклы? — спросила Луизетта и стала хохотать.

Я опять хотел дёрнуть её за косу, как вдруг вошли обе наши мамы.

— Ну как, дети, — спросила моя, — веселитесь?

— О да, мадам! — сказала Луизетта. Она широко открыла глаза, стала быстро-быстро моргать ресницами.

Моя мама её поцеловала, приговаривая:

— Очаровательная, ах, какая очаровательная! Настоящий цыплёнок!..

А Луизетта всё моргала и моргала.

— Покажи Луизетте свои книжки с картинками! — сказала моя мама, а другая мама сказала, что мы маленькие цыплятки.

И они ушли. Я взял с полки книжки и дал Луизетте, но она на них и не посмотрела, а бросила все на пол, даже ту, в которой про индейцев и она очень страшная.

— Совсем не интересные эти твои книжки! — сказала Луизетта.— Покажи лучше что-нибудь смешное!

Она сама стала копаться на полках и нашла мой аэроплан, который заводится резинкой и весь красный. Мой любимый.

— Оставь! — сказал я.— Это мой аэроплан.

Я хотел у неё отнять, но она в него вцепилась.

— Я гостья! — сказала она.— Я могу играть всеми твоими игрушками. А если будешь спорить, я позову мою маму.

Я не знал, что делать. Я боялся, что она сломает мой аэроплан, и не хотел, чтобы она позвала свою маму, потому что будет целая история. А пока я думал, Луизетта закрутила резинку и выпустила аэроплан в открытое окошко. И он улетел.

— Смотри, что ты наделала! — закричал я.— Мой аэроплан пропал! — И я заплакал.

— Ничего он не пропал, твой дурацкий аэроплан,— сказала Луизетта.— Смотри, вон он валяется в траве. Пойди и возьми.

Мы пошли в столовую, и я спросил маму, можно ли пойти в сад. И мама сказала, что слишком холодно. Но Луизетта опять

пустила в ход свои ресницы и сказала, что ей хочется посмотреть красивые цветы. Ну и мама опять сказала, что она очаровательный цыплёнок и чтобы мы только потеплее оделись.

В саду я подобрал аэроплан, который, оказывается, не поломался, и Луизетта меня спросила:

— А что мы будем делать?

— Не знаю. Ты хотела посмотреть цветы. Ну и гляди...

Но Луизетта сказала, что ей смешно на них смотреть, потому что они чахлые. Мне очень захотелось дать ей хорошенько в нос, этой Луизетте, но я побоялся, потому что окна выходят в сад, а у окна сидят мамы.

— У меня тут нет игрушек,— сказал я,— у меня тут только футбольный мяч, он в гараже.

Луизетта сказала, что это очень хорошая мысль — поиграть в мяч. Мы пошли за мячом, но мне очень не хотелось идти, потому что я боялся, как бы товарищи не увидели, что я играю с девчонкой.

— Ты встань вон тут, около деревьев, и лови мяч! — сказала Луизетта.

Я не успел поймать мяч — он разбил окно в гараже.

Обе мамы выскочили. Моя увидела разбитое окно и сказала:

— Ник! Вместо того чтобы играть в грубые игры, лучше бы занялся гостьей, особенно такой милой, как Луизетта!..

Я поглядел на Луизетту. Она была довольно далеко, в саду, нюхала бегонию. Вечером меня оставили без сладкого, но ничего, она мировая девчонка. Когда вырастем — поженимся.

У неё роскошное пенальти.

Рекс

Я вышел из школы и увидел собаку. Она была совсем одна. Наверно, заблудилась. Мне стало очень жаль собаку. Я попробовал её поймать, но ничего не вышло. Я бросил ей половинку моего печенья, она поймала и съела и стала вертеть хвостом во все стороны. Я её назвал Рексом. Я смотрел в четверг ковбойский фильм, там была собака, её звали Рекс.

Я пошёл домой, и Рекс пошёл за мной, очень довольный. Я подумал, что это будет хороший сюрприз для мамы с папой, когда я приведу Рекса домой. И потом я буду его дрессировать, научу его разным штучкам, он будет стеречь дом. А главное, я буду с ним дружить.

Ну а когда я пришёл с Рексом домой, мама почему-то совсем не обрадовалась. Ничуточки. Немножко был виноват и Рекс, конечно. Вот как было дело. Мы вошли с ним в комнату, и пришла мама. Она меня поцеловала и спросила, как там было в школе, не шалил ли я, и вдруг увидела Рекса. Она закричала:

— Откуда это животное?

Ну а я стал объяснять, что это бедная собака, которая заблудилась. И тут Рекс, вместо того чтобы сидеть тихо, вскочил на кресло, а это было кресло, на котором даже папе не разрешалось сидеть,— можно было, только когда гости.

Мама очень рассердилась и стала кричать, что она никогда не разрешала приводить в дом животных.

Но я никак не мог оттащить Рекса от кресла: ему очень понравилось там сидеть. Он вцепился в него зубами и оторвал кусочек. Я схватил Рекса на руки и унёс в сад. Мне ужасно захотелось плакать, и я заплакал.

Пришёл папа и увидел, как мы сидим вдвоём под кустом и

AFE
FRUITS ET

как я плачу, а Рекс теребит свой кусочек от кресла.

— Что тут происходит? — спросил папа.

Я объяснил папе, что мама не хочет Рекса и что Рекс мой друг, а я единственный друг Рекса. Я его научу танцевать, а может быть, мы с ним вместе будем ловить каких-нибудь жуликов или бандитов.

Папа погладил меня по голове и сказал, что мама права, что опасно приводить незнакомых собак в дом: может быть, они больные или кусачие. И тут я снова заплакал. Тогда папа посмотрел на Рекса, почесал его за ухом и сказал:

— Правда, на вид он как будто здоровый пёс!..

И Рекс стал лизать ему руку. Это ужасно понравилось папе.

— Он прелесть! — сказал папа и протянул ему другую руку. — Дай лапку! Лапочку! Ну же, дай лапку!

И Рекс дал ему лапку и потом опять лизнул руку, а потом стал чесать себе ухо задней лапой.

Папа посмеялся, а потом сказал:

— Ладно, жди меня тут, я попробую договориться с мамой.

И он пошёл в дом. Мировой у меня папочка!

Пока папа договаривался с мамой, я играл с Рексом. Он сам стал служить на задних лапах, но мне нечего было дать ему за это. Ну что за умная собака этот Рекс!

Папа вернулся довольно грустный. Он сел рядом со мной, погладил меня по голове и сказал, что мама против собаки в доме, особенно после того как порвано кресло. И тут я придумал.

— Если мама против собаки в доме, — сказал я, — можно устроить Рекса во дворе!

Папа засмеялся и сказал:

— Великолепно! В саду он ничего не испортит. Можно построить ему конуру. Сейчас же!

Я поцеловал папу. Мы отправились за досками в подвал, а потом папа принёс инструменты. Рекс пошёл грызть бегонии, но это ничего. Бегоний много, а вот кресло у нас одно.

Папа принялся пилить доски.

— Вот увидишь,— сказал он мне,— мы построим ему замечательную конуру, настоящий дворец!

А я сказал:

— Мы научим его разным штучкам, и он будет охранять дом!

— Да,— сказал папа,— мы научим его прогонять разных надоедливых соседей — Бельдюра, например.

Месье Бельдюр, отец Луизетты,— наш старый сосед. Они с папой очень часто ссорятся, а потом опять мирятся.

Мы очень веселились — Рекс, папа и я. Но тут вдруг папа ударил себя молотком по пальцу и вскрикнул, а мама услыхала и вышла в сад.

— Чем вы тут занимаетесь? — спросила она.

Я объяснил ей, что мы с папой решили оставить Рекса жить в саду, где нет кресел, и что папа строит ему конуру. Папа ничего не говорил, он сосал палец и поглядывал на маму. Мама была очень недовольна:

— Вы посмотрите только, что это животное сделало с бегониями!

Рекс поднял голову, подошёл к маме, виляя хвостом, и встал на задние лапы. Мама посмотрела на него, наклонилась и погладила Рекса по голове. А Рекс лизнул ей руку.

— Ну, я не знаю!..— сказала мама.

А мы с папой закричали «ура». И тут раздался звонок. Папа пошёл открывать, и вошёл какой-то человек. Он взглянул на Рекса и сказал:

— Кики! Вот ты где, оказывается!.. А я ищу повсюду!..

— Но позвольте!..— сказал папа.— Что вам надо?

— Что мне надо? Мне надо мою собаку! Кики исчез, пока я его прогуливал, и мне сказали, что какой-то мальчишка повёл его сюда.

— Это вовсе не Кики! Это Рекс! — сказал я.

А Рекс очень развеселился и вскочил на руки этому человеку.

— Как вы можете доказать, что это ваша собака? — спросил папа.— Это бездомная собака.

— А ошейник? Вы видели его ошейник? На нём моё имя — Жюль Жозéф Трамнé! И мой адрес. Иди сюда, Кики!

И человек ушёл вместе с Рексом.

Мы очень огорчились, а мама даже всплакнула. Тогда папа начал её утешать и обещал достать другую собаку. Как можно скорее. Просто на днях.

Велосипед

Папа не хотел покупать мне велосипед. Он сказал, что дети неосторожны, что они любят всякие акробатические штучки, что они ломают велосипеды и сами расшибаются.

А я говорил папе, что буду ездить осторожно, и даже плакал. А потом надулся и сказал, что уйду жить к бабушке. И тогда папа сказал, что я получу велосипед, если как следует займусь арифметикой и перестану получать двойки.

Вчера я вернулся из школы весёлый, потому что решил задачу. Когда папа узнал про мою победу, он вытаращил глаза:

— Ну и ну! Ну и ну!..

А мама меня поцеловала и сказала, что я молодец и что это замечательно, что я решил задачу.

Сегодня, когда я вернулся домой, папа и мама уже ждали меня в саду и оба улыбались.

— А у нас сюрприз для нашего мальчика! — сказала мама и засмеялась.

Папа пошёл в гараж и вытащил оттуда... знаете что? Никогда не угадаете!.. Велосипед! Красный велосипед с никелированными колёсами и рулём, с фонарём и со звонком. Потрясающе! Я сперва побегал вокруг, побегал-побегал, потом поцеловал маму, поцеловал папу и поцеловал велосипед.

— А теперь пообещай, что будешь осторожен и не будешь выделывать всякие там акробатические штучки! — сказала мама.

Я обещал, и мама меня поцеловала, сказала, что я её большой мальчик и что она сейчас пойдёт делать шоколадный крем на сладкое. И она пошла домой. У меня папа и мама — мировые!

Папа остался со мной в саду.

— Знаешь,— сказал он мне,— я был в молодости знаменитым велосипедистом и если бы не бросил спорт, то наверняка был бы теперь чемпионом!

Этого я не знал. Папа мне рассказывал, что был жутко знаменитым по футболу, регби, плаванию, по боксу... Но велосипед?.. Это новость.

— Смотри, я тебе покажу! — сказал папа, сел на мой велосипед и поехал по дорожке.

Конечно, велосипед для него был слишком маленьким, и папины коленки упёрлись в подбородок, но он всё-таки ехал.

— В жизни не видел ничего смешнее!..— это сказал месье Бельдюр, отец Луизетты, наш сосед. Он любит поддразнивать папу. Месье Бельдюр стоял за изгородью и увидел, как папа поехал.

— Замолчи! — крикнул папа.— Ты ничего не понимаешь в велосипедах!

— Что?! — заорал месье Бельдюр.— Разве ты не знаешь, что я был чемпионом среди любителей этого благородного спорта?

Папа захохотал:

— Ты был чемпионом?! Ты?..— хохотал папа.— Не смеши меня. Ты свалишься даже с трёхколёсного велосипеда.

Это не понравилось месье Бельдюру.

— Посмотрим! — сказал он и перескочил через изгородь.— Дай велосипед! — И ухватился за руль.

Но папа тоже уцепился за велосипед.

— Тебя никто не звал, Бельдюр,— сказал папа.— Ступай домой!

— Ты боишься, что я тебя опозорю перед твоим несчастным ребёнком? — спросил месье Бельдюр.

— Замолчи! Ты мне надоел, вот что я тебе скажу! — сказал папа, вырвал руль у месье Бельдюра и поехал по дорожке.

— Потеха! — сказал месье Бельдюр.

— Ты просто завидуешь! — ответил папа.

Я бежал за папой и просил дать мне покататься на моём велосипеде. Но папа меня не слышал, потому что заехал в куст бегонии и там застрял. А месье Бельдюр сказал:

— Вот что я придумал: давай по очереди объедем вокруг дома — кто скорей — и заметим время по часам. Посмотрим, кто самый быстрый.

— Об этом и речи быть не может! — сказал папа.— Я запрещаю тебе влезать на велосипед Ника! Ах ты толстяк!.. Да ты сломаешь велосипед!

Папа снова сел на велосипед и выехал на тротуар. Месье Бельдюр и я пошли за ним. Я уже потерял терпение и, главное, так и не успел сесть на велосипед!

— Вот,— сказал папа,— пусть каждый объедет вокруг дома. Заметим время по часам. Кто скорее приедет, тот будет чемпионом.

— Я счастлив, что ты заранее предугадываешь своё поражение,— сказал месье Бельдюр.

— А я что буду делать? — спросил я.

— Ты? — задумался папа.— Ты?.. Ладно, следи за временем. Месье Бельдюр даст тебе свои часы.

Но месье Бельдюр не захотел давать часы и сказал, что дети всё ломают, и тогда папа дал мне свои часы.

Папа и месье Бельдюр тянули жребий, и месье Бельдюр поехал первым. Он такой толстый, что под ним велосипеда

BOULANGERIE

почти не видно. И прохожие на улице оглядывались на него и хохотали. Бельдюр ехал тихонечко, повернул за угол и исчез. Когда он снова появился из-за другого угла, он был весь красный и ехал зигзагами.

— Сколько? — спросил он меня.

— Девять минут и большая стрелка между пятью и шестью,— ответил я.

— Отлично, мой друг,— захохотал папа.— Вижу, что за полгода ты объедешь всю Францию!..

— Чем насмехаться,— ответил месье Бельдюр, задыхаясь,— попробуй проехать быстрее!

Папа сел на велосипед и уехал.

Месье Бельдюр пытался отдышаться, а я тем временем следил за часами и ждал. Конечно, мне очень хотелось, чтобы папа выиграл, но вот уже прошло девять минут... потом десять...

— Я выиграл! Я чемпион! — закричал месье Бельдюр.

Прошло пятнадцать минут, а папы всё нет.

— Интересно, что с ним такое? — сказал месье Бельдюр.

И тут мы увидели папу. Он шёл пешком, а велосипед тащил в руках. Руль был вывихнут, колесо выкручено...

— Я заехал в помойку,— сказал папа.

Назавтра я в переменку говорил с Клотером. Он сказал, что такая же история случилась с его первым велосипедом.

— Чего же ты хочешь? — сказал Клотер.— Папы — они все одинаковые. Они упрямые, и, если им позволить, они ломают велосипеды и сами ушибаются при этом.

Букет для мамы

Сегодня день рождения мамы. Я решил сделать ей подарок. Я забрал все монетки из копилки. Их было много. Я знаю, что купить маме: цветы в синюю вазу, которая в столовой.

В школе я просто измучился, никак не мог дождаться, когда же уроки кончатся, чтобы скорее побежать за подарком.

Я боялся растерять денежки и всё время держал руку в кармане, даже когда в большую перемену играл в футбол. Но я не вратарь, так что это всё равно. Вратарём у нас Альцест, он толстый и любит есть. Всё время жуёт, даже когда стоит в воротах.

— Чего ты всё держишься за карман? — спросил он меня.

Я ему объяснил: боюсь растерять денежки, а мне надо купить цветы маме, но он сказал, что лучше купить какую-нибудь еду — пирожное или конфеты. Но ведь подарок был не для него, поэтому я на его слова не обратил внимания.

Когда мы вышли из школы, Альцест проводил меня до цветочного магазина. Всю дорогу он жевал свой пряник.

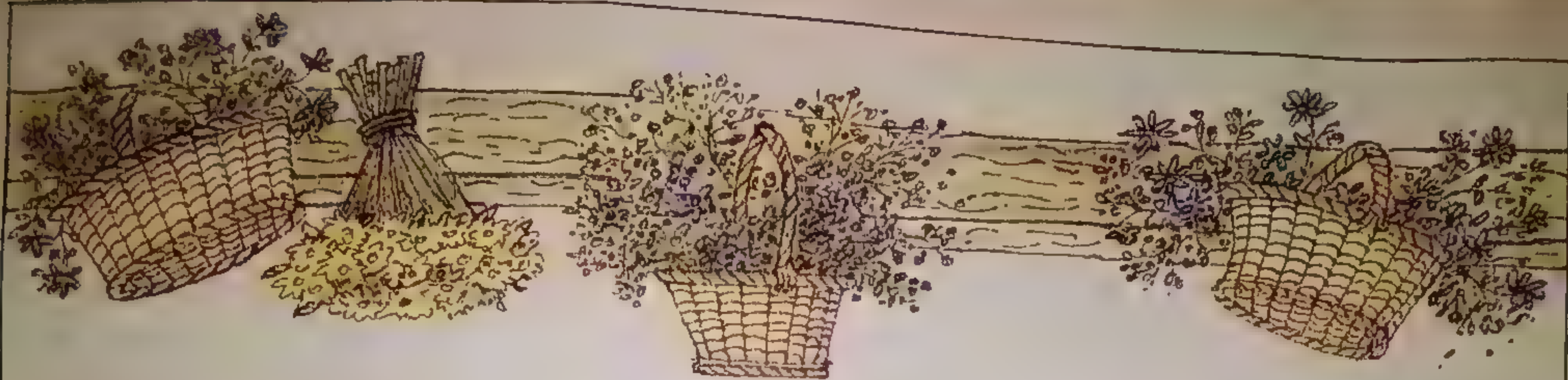
Мы вошли в цветочный магазин, я показал все свои денежки и объяснил, что мне нужен самый большой букет для мамы. Но только без бегоний — у нас их и так полон сад.

— Мы хотим что-нибудь хорошенькое! — сказал Альцест и стал совать свой нос в цветы, чтобы проверить, хорошо ли они пахнут.

Цветочница посчитала мои монетки и сказала, что не может дать мне самый большой букет. Я прямо скис. Она на меня посмотрела. Подумала немного. Назвала милым мальчиком. Погладила по голове и потом сказала, что всё уладит.

Она стала выбирать цветы и ещё добавила много зелёных листьев. Букет получился красивый и очень большой.

LEURISTE

Продавщица завернула его в прозрачную бумагу и велела нести осторожно. Я взял букет, Альцест кончил нюхать цветы, я сказал продавщице спасибо, и мы ушли.

Только мы вышли из магазина, смотрим – идут Клотер, Руфус и Жорж.

— Поглядите на Ника! – сказал Жорж.– Как он важно несёт этот букет!

И вся компания захохотала.

— Дай мне цветы! – сказал Альцест.– Я их подержу, пока ты Жоржа как следует вздуешь!

Я дал цветы Альцесту, но не успел стукнуть Жоржа. Он первый налетел на меня. Мы подрались, но немного, потому что я сказал, что очень спешу. Но всё-таки пришлось ещё задержаться, потому что Клотер сказал:

— Посмотрите-ка на Альцеста! Ух какой он важный с этим букетом!

И тут Альцест – бац! – ударил его по голове букетом.

— Цветы! – кричу я.– Вы сломаете мои цветы!

Альцест махал моим букетом направо и налево, и цветы разлетелись во все стороны, потому что бумага порвалась.

Когда Альцест наконец перестал драться, я стал подбирать цветы, которые валялись кругом, и сказал им, моим приятелям, что они злые люди.

— Посмотрите, что стало с цветами! – сказал Руфус.

Клотер и Жорж ничего не сказали, но им, кажется, было стыдно. Альцест поспешил домой, чтобы не опоздать к обеду. А я пошёл с моим букетом домой. Правда, цветов осталось не очень много и бумага порвалась.

По дороге я встретил Эда.

— Сыграем в шарики? — спросил Эд.

— Я не могу, — сказал я, — нужно отнести маме цветы.

Но Эд сказал, что ещё рано. К тому же я очень люблю играть в шарики. Я очень хорошо умею прицеливаться и почти всегда попадаю... Ну, и я положил цветы на тротуар и начал играть с Эдом. Это замечательно — играть с Эдом, потому что он часто проигрывает. Но когда он проигрывает, он сердится и говорит, что я плутую. И сейчас опять получилась такая же история, и он меня пихнул, а я упал прямо на мой букет.

— Я скажу маме, что ты сделал с цветами, — сказал я Эду, и ему стало стыдно.

Он помог мне собрать те цветы, которые не смялись. Я люблю Эда, вообще-то он хороший друг.

Я пошёл дальше. Мой букет уже не был таким огромным, но цветы, которые остались, ещё годились: один цветочек немного облетел, но два других были хорошие.

Я решил больше ни с кем не драться, потому что, если я буду ссориться со всеми приятелями, которые мне попадаются навстречу, у меня больше не останется ни одного цветка в мамином букете.

И тут я увидел Йоахима на велосипеде. Йоахим – это мой школьный товарищ, у которого велосипед.

– Привет, Ник! – сказал Йоахим.

– Не приставай к моему букету! Отвяжись! – крикнул я ему.

Йоахим соскочил с велосипеда и вытаращил на меня глаза.

– Какой букет?

– А вот этот! – И я бросил ему в лицо мои цветы.

Скорей всего, Йоахим не ожидал, что я брошу в него цветы, и у меня это как-то получилось вдруг. Но ему это не понравилось. Йоахим подхватил цветы и подбросил их вверх, а они неожиданно шлёпнулись на крышу автомобиля, который проезжал мимо, и уехали вместе с ним.

— Цветы! — закричал я.— Мамины цветы!

— Не волнуйся,— сказал Йоахим,— я их догоню на велосипеде.

Он вернулся через минуту и сказал, что автомобиль куда-то свернул. Но он нашёл цветок, который свалился с крыши автомобиля. Как раз тот, который почти облетел.

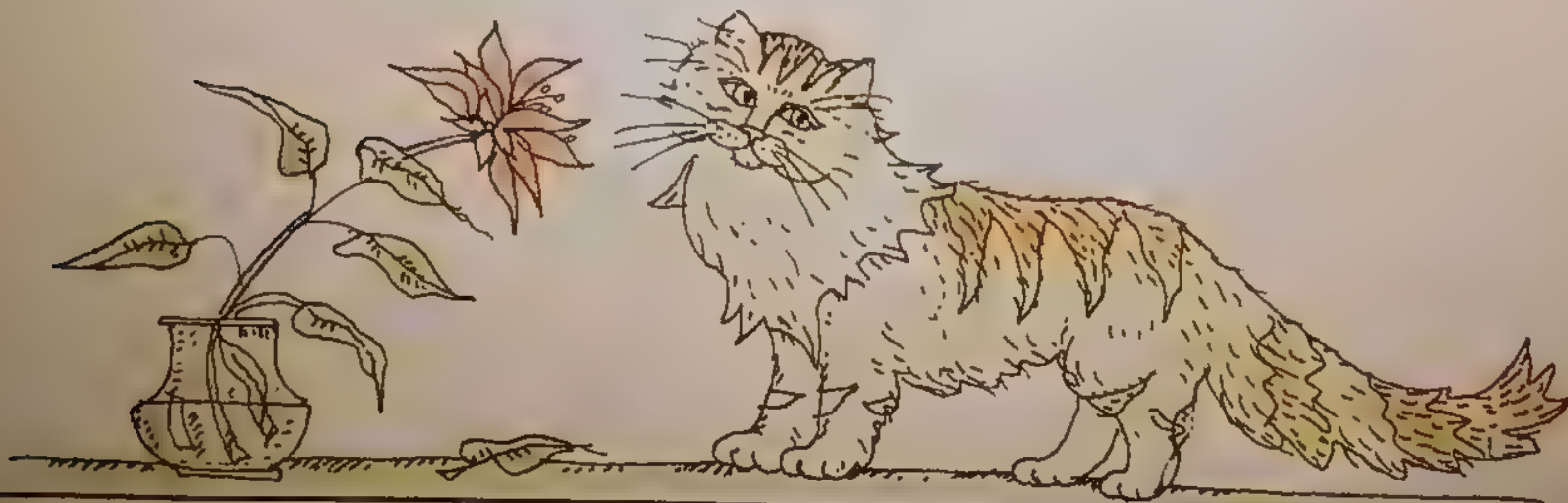
Йоахим быстро уехал, потому что к его дому дорога идёт под гору. А я с моим облетевшим цветком пошёл к маме. У меня стоял какой-то комок в горле. Точь-в-точь будто я несу домой мой дневник, а в нём одни колы.

Я открыл дверь и сказал маме:

— Поздравляю с днём рождения,— и заплакал.

Мама взглянула на цветок и как будто немножко удивилась, потом обняла меня и много-много раз поцеловала, и сказала, что никогда ещё не получала такого красивого цветка, и поставила мой цветок в большую синюю вазу.

Говорите что хотите, но у меня замечательная мама!

Клотер в очках

Сегодня утром Клотер появился в классе в очках. Мы все ужасно удивились.

— Это доктор,— объяснил нам Клотер,— сказал моим родителям, что я, наверно, потому последний ученик, что плохо вижу. Доктор посмотрел мои глаза через какое-то стёклышко — это совсем не больно! — потом велел читать разные буквы вразброд, а после мне купили вот эти очки. Ура! Я теперь больше не последний ученик!

Я немножко удивился. По-моему, Клотер не видит в классе, потому что на уроках спит. Но может быть, ему в очках будет неудобно спать. Конечно, это правда, что первый ученик у нас Аньян и только он один носит очки...

Аньян увидел Клотера в очках и, конечно, надулся.

— Видал мои очки? — спросил Клотер Аньяна.— Теперь я буду первым! Я буду помогать учительнице — вытирать доску, приносить из учительской всякие учебные пособия, книжки...

— Ну уж нет! — возразил Аньян.— Первый — это я! И вообще, не смей ходить в школу в очках!

— А вот и смею! Подумаешь!.. А ты больше не будешь единственным любимчиком в классе! Тра-ля-ля-ля!..

— Я тоже попрошу моего папу купить мне очки и тоже буду первым! — сказал Руфус.

— Мы все попросим наших пап купить нам очки! — закричал Жак.— Все будут первые, и все будут любимчики!

Ну, а потом всё было ужасно, потому что Аньян начал плакать и кричать, что мы не имеем права быть первыми. Что он будет жаловаться. Что его никто не любит. Что он очень несчастный.

Но тут прибежал Бульон. Бульон — это наш классный наставник. Мы его прозвали Бульоном, потому что у него глаза маленькие и круглые, как жиринки, которые плавают в бульоне.

— Что тут происходит? — закричал Бульон.— Аньян, почему ты рыдаешь? Посмотри мне в глаза и отвечай!

— Они все хотят надеть очки! — сказал Аньян и стал икать.

Бульон посмотрел на Аньяна, посмотрел на нас, потёр нос и сказал:

— Я не хочу разбираться в ваших историях. Аньян, ступай выпей стакан воды и перестань икать! Остальные успокойтесь!

И он ушёл вместе с Аньяном, который продолжал икать.

— Скажи, пожалуйста,— спросил я Клотера,— ты мне одолжишь свои очки, когда меня вызовут к доске?

— Да, да! И мне тоже, когда я буду писать сочинение! — сказал Макс.

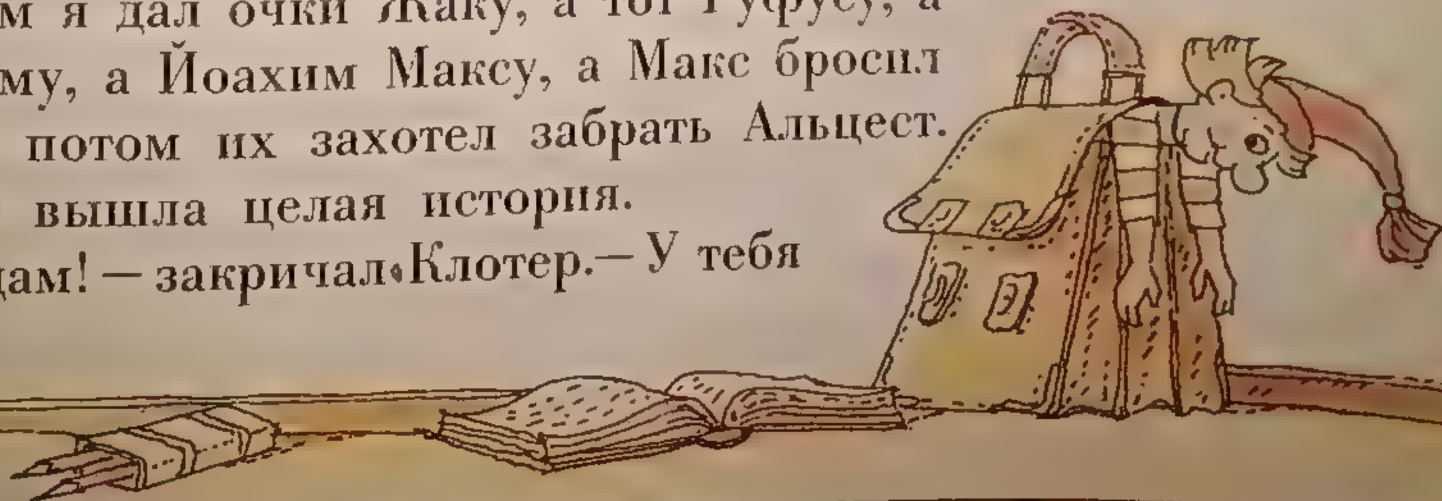
— Для сочинения они мне самому нужны,— ответил Клотер.— Ну а когда будут устные вопросы, мы как-нибудь договоримся.

Мировой парень этот Клотер, и я попросил его одолжить очки, чтобы померить. По правде сказать, в его очках всё видно не там, где надо. Смотришь на свои ноги, например, а они тут, у тебя под носом, растут!..

А потом я дал очки Жаку, а тот Руфусу, а тот Йоахиму, а Йоахим Максу, а Макс бросил их Эду, а потом их захотел забрать Альцест.

Но тут вышла целая история.

— Не дам! — закричал Клотер.— У тебя

руки в масле, ты ел бутерброды! Замажешь стёкла, а на что мне очки, если в них ничего не видно!

Альцест рассердился.

— Хочешь получить по носу этими маслеными ручищами? — спросил он.

— А ты не можешь меня ударить! Я в очках! А-ля-ля! Тра-ля-ля!

— Ладно. Сними очки!

— Не сниму! — ответил Клотер.

Они ужасно разозлились оба, но подраться не удалось, потому что опять прибежал Бульон.

— Что ещё тут такое? — спросил он.

— Альцест не хочет, чтобы я носил очки! — закричал Клотер.

— Нельзя заставлять классного наставника прибегать каждую минуту по пустякам, — сказал Бульон и пошёл звонить в свой колокольчик, потому что перемена кончилась.

А потом Клотер сказал, что, когда Альцест вымоет руки, он ему даст померить очки. Он действительно мировой парень, этот Клотер.

На уроке географии Клотер дал всё-таки очки Альцесту, после того как тот хорошо вытер руки о свой свитер. Альцест надел очки, но ему не повезло: он не заметил учительницу, которая встала возле него.

— Не строй из себя клоуна! — строго сказала учительница. — Что за игры с очками? Выйди из класса!

И Альцест ушёл вместе с очками. Чуть не налетел на дверь, потому что ничего в них не видел.

Учительница вызвала Клотера к доске. Ну а там, конечно, без очков у него ничего не вышло.

Он получил кол.

Мы выступаем по радио

Сегодня учительница нам сказала:

— Дети, могу вам сообщить важную новость: по радио будут передавать беседы со школьниками, и к нам придут репортёры, чтобы вас ин-тер-вью-ировать.

Мы промолчали, потому что ничего не поняли. Кроме Аньяна, конечно. Он любимчик учительницы и всё знает. Ну, и тогда учительница объяснила нам, что люди из радио будут задавать нам вопросы, а мы должны толково отвечать.

— Я надеюсь, вы будете серьёзными и говорить будете разумно,— сказала она.

Мы все так разволновались, узнав, что надо говорить для радио, и учительнице даже пришлось несколько раз хлопнуть линейкой по столу, чтобы продолжить урок грамматики.

А потом открылась дверь, и вошёл директор с двумя людьми. У одного был чемодан.

— Встать! — сказала учительница.

— Сесть! — сказал директор.— Дети, к вам пришли работники радио. Это большая честь для нашей школы. Благодаря волшебству звуковых волн ваши слова долетят до тысяч и тысяч семейных очагов. Я уверен, что вы оцените честь, которую вам оказывают. Вот этот господин объяснит вам, что вы должны делать.

Тогда один из этих людей сказал нам: он будет задавать вопросы насчёт того, что мы любим делать, что мы читаем и чему учимся в школе. А потом взял какой-то аппаратик в руки и сказал:

— Это микрофон. Вы будете в него говорить — очень отчётливо, трýсить не надо! — а сегодня вечером, ровно в восемь, вы

себя послушаете дома, потому что все разговоры будут записаны на магнитофонную плёнку, и мы передадим это по радио.

И тут он повернулся к своему товарищу, который уже надел большие наушники. Как у лётчиков в кино, я сам видел: радио у них поломалось, кругом туман, ничего не видят, не знают, куда спуститься, и все попадали в воду. Мировой фильм.

Первый господин спросил второго:

— Можно начинать, Пьер?

— Ага! — ответил Пьер.— Дай пробу голоса!

— Один, два, три, четыре, пять... Идёт?

— Порядок, Луп!

— Ладно! — сказал Луп.— Ну, кто желает говорить первым?

— Я! Я! Я! — закричали все.

Господин Луп стал хохотать, потом сказал:

— Вижу, желающих много. Спрошу вашу учительницу, кого она рекомендует.

Ну конечно, учительница предложила Аньяна, потому что он её любимчик. Вечно так с этими любимчиками, что такое в самом деле!..

Аньян подошёл к Луи, и тот поднёс микрофон к его рту, и Аньян стал совсем белый. Перепугался.

— Скажи мне теперь, как тебя зовут? — спросил Луи.

Аньян открыл рот и молчал. Тогда Луи спросил:

— Тебя, кажется, зовут Аньян?

Аньян кивнул.

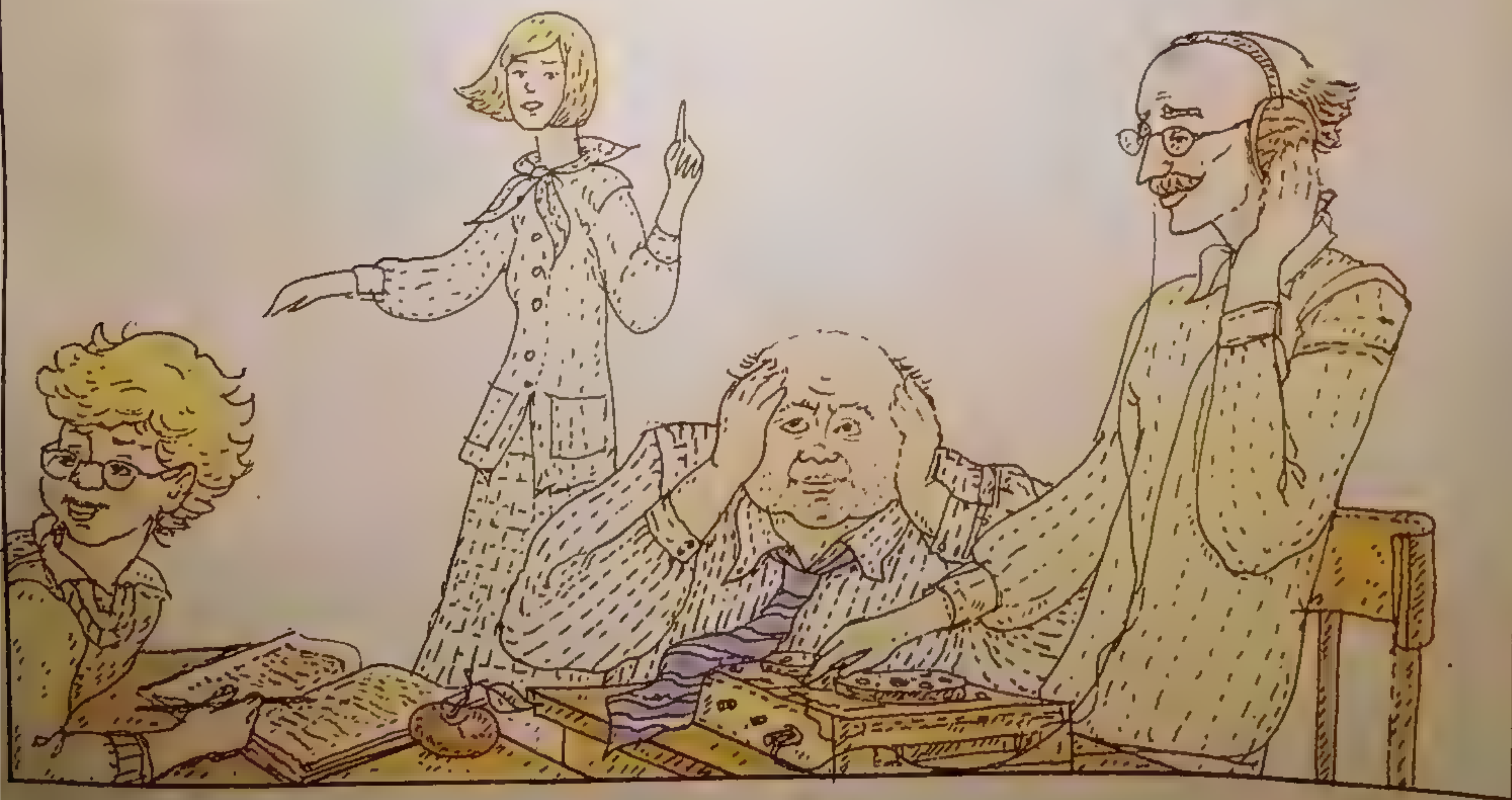
— Ты, кажется, первый ученик в классе? Нам бы хотелось знать, как ты развлекаешься, какие игры любишь...

Аньян вдруг зарыдал. Потом ему стало плохо, и учительнице пришлось выбежать с ним из класса. Господин Луи вытер платком лоб, посмотрел на господина Пьера и потом спросил нас:

— А кто не боится говорить перед микрофоном?

— Я! Я! Я! — закричали все.

— Хорошо! — сказал господин Луи. — Ну-ка, подойди сюда ты, толстенький!.. Отлично!.. Давай начнём. Как тебя зовут, малыш?

— Алшешт,— сказал Альцест.

— Алшешт? — переспросил господин Луп удивлённо.

— Будь добр, Альцест, не говори с полным ртом! — сказал директор.

— Я как раз ел рогалик, когда он меня позвал,— сказал Альцест.

— Рогалик?! — закричал директор.— Ах, вы едите в классе? Марш в угол! Мы потом обсудим этот вопрос. И оставь свой рогалик на парте!

Альцест тяжело вздохнул, оставил рогалик и пошёл в угол, где принялся жевать бриошь, которую вытащил из кармана куртки. Господин Луп вытер микрофон рукавом.

— Прошу извинить,— сказал директор,— они ещё дети. И кроме того, не очень дисциплинированные.

— О, мы привыкли!..— сказал господин Луп, посмеиваясь. Потом он обратился к Эду: — Как тебя зовут, малыш?

— Эд!!! — заорал Эд, и господин Пьер сбросил наушники.

— Не так громко! — сказал он.— Для того и придумано радио, чтобы можно было слышать на далёких расстояниях, но без крика... Давайте снова!.. Как тебя зовут, малыш?

— Ладно. Эд! Я вам уже сказал.

— Боже мой! — воскликнул господин Луп.— Не надо говорить «я уже сказал»! Я спрашиваю: «Как тебя зовут?» — и ты отвечаешь. Это всё. Как, Пьер, готово?.. Давайте, начинаем!.. Как тебя зовут, малыш?

— Эд! — говорит Эд.

— Намертво запомнят теперь!..— это голос Жака.

— Уходи из класса!!! — это кричит директор.

— Тишина!!! — это крикнул господин Луи.

— Эй, предупреждай, когда будешь кричать! — сказал господин Пьер, снимая опять наушники.

Господин Луи прикрыл рукой глаза и замер на некоторое время, а потом тихим голосом спросил Эда, во что он любит играть.

— Я отчаянный футболист. Бац!!! И вот вам гол.

— Что ты врёшь! — кричу я.— Вчера ты был вратарём, и сколько раз тебе всаживали!.. Вспомни! Всё ты врёшь!

— Ха-ха! — крикнул Клотер.

— Руфус тебе всё время свистел за нарушения! — крикнул Эд.

— Конечно, он всегда играл в твоей команде! — заорал Макс.— Я же говорил, что игрок не может быть арбитром, даже если у него есть свисток.

— Ты у меня получишь!!! Как дам!!! — завизжал Эд.

Тут господин Луи и господин Пьер живо собрали свои аппараты в чемодан, и только их и видели.

Эда директор отправил в угол.

В восемь часов вечера у нас дома, кроме мамы и папы, были наши соседи супруги Бельдюр, супруги Куртепляк, господин Барлие, который работает там, где папа, и дедушка. Все уселись поближе к радио, чтобы послушать, как я говорю. Мой папа был страшно гордый, он меня гладил по голове и покашливал: «Кхе-кхе!..» Все были очень веселы.

Но я не знаю, что случилось с радио: в восемь часов была только музыка.

Мне было ужасно жалко господина Луи и господина Пьера. Они-то, наверно, были очень огорчены и удивлены.

Кинг

На днях мы договорились с Альцестом, Эдом, Руфусом, Клотером и с другими мальчишками пойти на рыбалку.

У нас тут недалеко есть парк, мы часто ходим туда играть. В парке отличный пруд, а в пруду головастики. Головастики — это такие маленькие существа, которые потом вырастают и превращаются в лягушек. Так нас учили в школе. А Клотер, оказывается, ничего этого не знал, потому что никогда не слушает на уроках. Но ничего, мы ему объяснили.

Я взял дома банку из-под варенья и стал пробираться к пруду, стараясь не попасться на глаза сторожу. У этого сторожа длинные усы, палка и особый свисток. Я видел такой только у папы Руфуса. Папа Руфуса служит в полиции, им там всем такие дают. Сторож вечно нас ругает, потому что в парке всё запрещается. Нельзя ходить по траве, нельзя рвать цветы, нельзя кататься на велосипеде, бросать разные бумажки, нельзя даже играть в футбол, лазить на деревья и драться. Но нам всё равно там нравится.

Эд, Руфус и Клотер уже были на берегу со своими баночками. Альцест пришёл последним. Он объяснил, что не мог найти пустой банки и ему пришлось съесть всё варенье. Он весь вымазался этим вареньем, но вид у него был ужасно довольный.

Сторож куда-то ушёл. Увидев, что его нет поблизости, мы принялись ловить головастиков. Не думайте, что это так легко! Нужно лечь на живот, опустить банку поглубже в пруд, изловчиться и зачерпнуть вместе с водой головастика. А они, между прочим, очень вертлявые и ни за что не хотят лезть.

Первым головастика поймал Клотер. Он чуть не лопнул от

гордости: ему не часто удаётся быть хоть в чём-нибудь первым.

Ну а потом у каждого из нас оказалось по головастику. То есть Альцесту не удалось поймать ни одного, зато Руфус, рыбак что надо, поймал сразу двух и одного отдал Альцесту.

— А что мы теперь будем с ними делать? — спросил Клотер.

— Как что? — сказал Руфус.— Заберём домой. Подождём, пока из них вырастут лягушки, и устроим лягушачьи гонки.

— Вообще-то,— сказал Альцест,— лягушачьи ляжки с чесноком — такая вкуснятина!

Он посмотрел на своего головастика и облизнулся.

А потом все бросились бежать, потому что увидели сторожа. По дороге домой я рассматривал своего головастика. Он носился по всей банке как заводной. Наверно, из него выйдет потрясающая лягушка и уж точно станет чемпионом на гонках. Я решил назвать головастика Кинг. Так звали белую лошадь, которую я видел недавно в одном ковбойском фильме. Она очень быстро бегала и возвращалась к хозяину, когда он свистел. Я займусь дрессировкой Кинга, а когда подрастёт, он будет являться ко мне на свист.

Я пришёл домой. Когда мама меня увидела, она пришла в ужас:

— Покажись-ка! Да что же это такое, на кого ты похож? Ты весь грязный! Что ты ещё натворил?

Я и правда был не очень чистый. А главное, я забыл засучить рукава, когда возился в воде.

— А что это у тебя в банке? — спросила мама.

— Это Кинг, — сказал я и протянул ей банку с головастиком. — Когда он вырастет и станет лягушкой, он будет приходить ко мне на свист и выиграет лягушачьи гонки.

— Какая гадость! — закричала мама, вся сморщившись. — Сколько раз я тебе говорила: не смей таскать домой всякую грязь!

— Это не грязь, — сказал я. — Кинг совершенно чистый, он ведь всё время купается. Я буду его дрессировать.

— А вот и папа пришёл! — обрадовалась мама. — Послушаем, что он об этом думает!

Папа взглянул на банку, сказал:

— А, головастик! — и уселся в кресло читать газету.

Мама страшно возмутилась:

— И это всё, что ты можешь сказать? Я не желаю терпеть в доме разных ужасных животных!

— Ну, — сказал папа, — по-моему, головастик нас не очень стеснил бы...

— Ах так! — воскликнула мама. — Прекрасно! Раз со мной не считаются, я больше не скажу ни слова. Но имейте в виду: или головастик, или я!

И ушла на кухню. Папа тяжело вздохнул и сложил газету.

— Мне кажется, у нас нет выбора, Ник! Придётся с твоей зверушкой расстаться.

Я расплакался. Я сказал, что не дам обижать Кинга и что мы с ним уже успели стать друзьями. Папа посадил меня на колени.

— Ты подумай, — сказал он мне, — у этого маленького головастика есть мама-лягушка. Она, наверно, ищет его по всему пруду и очень горюет. Ведь твоя мама тоже вряд ли была бы спокойна, если бы кто-нибудь посадил тебя в баночку и унёс. Знаешь, что мы с тобой сделаем? Мы пойдём на пруд и выпустим головастика в том самом месте, где ты его поймал. И ты по воскресеньям будешь приходить его навещать.

Я немножко подумал и согласился.

Тогда папа пошёл на кухню и, смеясь, сказал маме, что мы выбираем её, а головастика унесём.

Мама тоже рассмеялась. Она поцеловала меня и сказала, что к ужину испечёт пирог.

Я утешился.

Папа взял банку, и мы пошли в парк. Я показал ему, где поймал Кинга. Потом сказал Кингу: «До свидания!» — а папа вылил всё из баночки в пруд. Тут мы увидели сторожа. Он смотрел на нас вытаращив глаза.

— Ничего не понимаю, — сказал он папе. — Мне кажется, я схожу с ума. Или это вы все спятили? Вы уже тут седьмой с баночкой, считая полицейского, и все, как один, на этом самом месте что-то выливают в пруд.

В гостях у Аньяна

Я собрался пойти поиграть с приятелями, но мама сказала, что об этом не может быть и речи. Оказывается, сегодня меня позвали в гости к Аньяну. Мама говорит про него, что он «хороший мальчик» и мне «надо брать с него пример».

Мне не особенно хотелось идти в гости к Аньяну и брать с него пример. Аньян первый ученик в классе и любимчик учительницы, но он не очень хороший товарищ. Я лучше бы пошёл купаться с Альцестом, Жаком, Эдом и другими, но ничего не поделаешь. У мамы такой вид, что она не шутит, а я всегда слушаюсь маму, особенно когда она не шутит.

Мама меня умыла, причесала, велела надеть синий костюм, у которого складки на брюках, белую рубашку и галстук в горошек. Меня так уже одевали на свадьбу тётки Эльвиры.

— Что это у тебя такое кислое лицо? — сказала мама.— Вы чудесно повеселитесь с Аньяном!

И мы ушли. Я больше всего боялся встретиться с приятелями. Они непременно стали бы дразнить меня и смеяться.

Мама Аньяна открыла нам дверь.

— Какой милашка! — сказала она и поцеловала меня, а потом позвала Аньяна: — Иди скорей, Аньян! Ник пришёл!

Появился Аньян, тоже вроде чучела: на нём были бархатные штаны, белые носки и чёрные сандалии, которые очень блестели. Мы оба были хороши. Нам бы на огороде стоять вместо пугала.

Я заметил, что Аньян не очень-то мне рад.

— Поручаю вам моего сына,— сказала мама.— Надеюсь, он не наделает глупостей. Я приду за ним в шесть часов.

Мама Аньяна сказала:

— Что вы! Что вы! Они прекрасно проведут время! Всё будет отлично.

Моя мама ушла, но, уходя, посмотрела на меня как-то странно, как будто немножко беспокоилась.

Мы пошли пить чай. Всё было хорошо. Нам дали шоколаду, варенья, пирожных, печенья. И мы не клали локтей на стол. Потом мама Аньяна сказала, чтоб мы шли тихонько играть в комнату Аньяна.

Когда мы пришли в его комнату, Аньян меня сразу предупредил, что мы не должны с ним драться, потому что у него очки. Я ответил, что мне, конечно, очень хотелось бы стукнуть его разок, но я не буду: я обещал моей маме быть воспитанным.

— Тогда давай играть,— сказал Аньян.

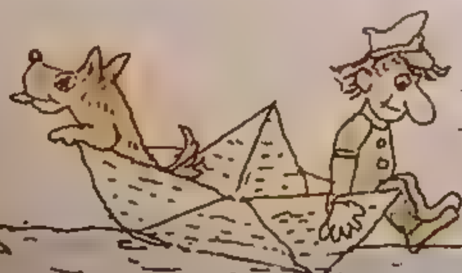
Он стал вытаскивать из шкафа свои книжки по географии, по арифметике, ну, в общем, всякие учёные книжки, и предложил почитать их вместе со мной и порешать задачи, чтобы весело провести время. Он сказал, что есть шикарные задачи про краны, из которых вода вливается в ванны.

Эта идея мне понравилась, и я спросил Аньяна:

— Где эта ванна, чтобы можно было проверить задачу?

Аньян посмотрел на меня, потом снял очки, вытер их платком, немножко подумал и велел идти за ним.

В ванной комнате была большая ванна, и я предложил Аньяну напустить в неё воды и поиграть с корабликами. Аньян сказал, что это ему никогда не приходило в голову, но что это неплохая идея. Ванна очень быстро наполнилась до самых краёв. Конечно, мы её сперва заткнули. Но тут Аньян растерялся,

потому что у него не было никаких корабликов. Он объяснил мне, что у него мало игрушек, всё только книжки.

Хорошо, что я умею делать бумажные кораблики, и мы повырывали листочки из учебника арифметики. Конечно, мы вырывали аккуратно, чтобы Аньян смог приклеить странички обратно, потому что нельзя портить книги.

Мы очень веселились. Аньян сунул руку в воду и делал волны. Жалко только, что он забыл засучить рукава рубашки и не снял ремешок с часами, которые он получил от родителей в подарок.

Через некоторое время нам уже надоело играть с корабликами, и к тому же на полу была вода, и стало грязно.

Мы вернулись в комнату Аньяна, и он показал мне свой глобус. Аньян сказал, что глобус можно снять с подставки, и тогда это будет просто большой мяч.

Это была не очень хорошая идея. Мы весело перебрасывались глобусом, но Аньян снял очки, чтобы не разбить, а без очков плохо видел, и он упустил глобус, который со стороны Австралии угодил прямо в зеркало, и зеркало разбилось. Аньян надел очки, чтобы посмотреть, что случилось, и обомлел. Мы поставили глобус обратно на подставку и решили быть внимательными, а то наши мамы будут не очень довольны.

Мы стали думать, чем ещё заняться, и Аньян вспомнил, что папа подарил ему «Химический набор». Он мне его показал. Это был потрясающий набор. В большой коробке полно маленьких бутылочек с разноцветными жидкостями, и спиртовка к тому же, а к ней сухой спирт. Аньян сказал, что с этим со всем можно делать очень научные опыты.

Аньян принялся смешивать порошки и жидкости, и они становились то красными, то синими, а иногда даже появлялся

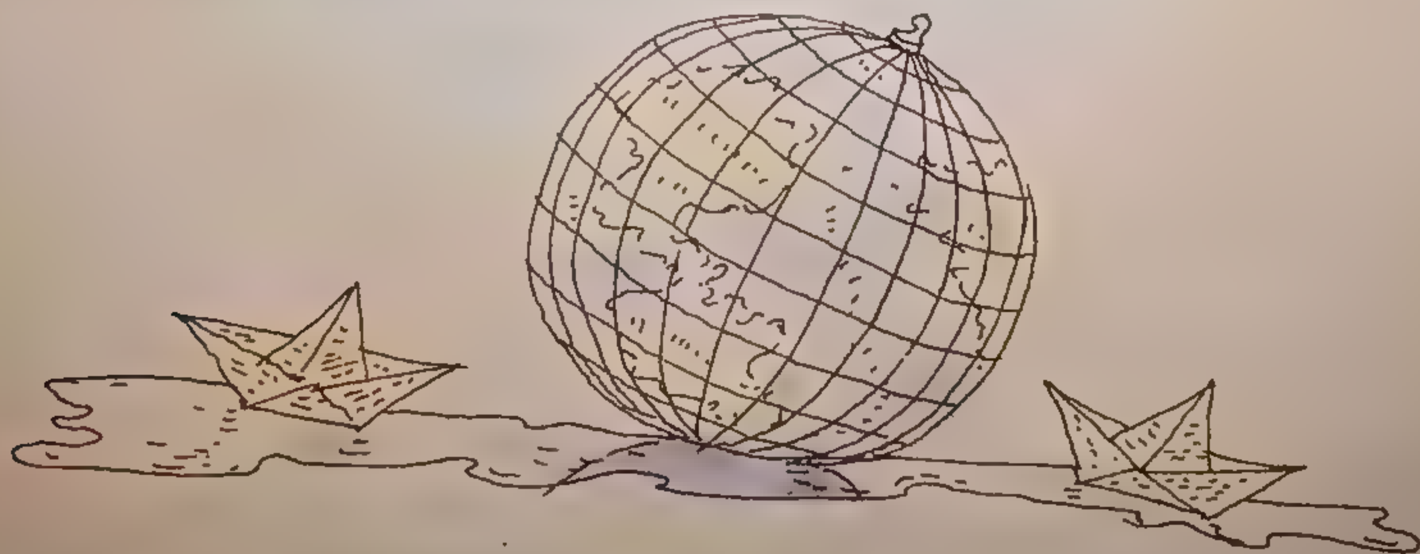
беловатый дымок. Это было потрясающе научно! Я сказал Аньяну, что мы должны сделать ещё более научные опыты, и он согласился. Мы взяли самую большую бутылку, и всыпали туда все порошки, и влили все жидкости из флакончиков. Потом зажгли спиртовку и стали греть бутылку. Сначала было интересно: сперва какой-то туман, потом чёрный дым. Мы уже собрались прекратить наш опыт, как вдруг бутылка взорвалась.

Аньян стал кричать, что он ослеп, но, к счастью, это ему только показалось. Просто стёкла его очков закоптились.

Потом вошла мама Аньяна. Сперва она ничего не говорила, только открыла рот и вытаращила глаза. Потом взяла нас за руки и повела в ванную, чтобы отмыть. Она увидела ванную комнату, и ей там не понравилось. Потом она побежала к телефону вызвать мою маму, чтобы она немедленно меня забрала.

Хорошо, что моя мама очень быстро пришла. Мне уже надоело у Аньяна, особенно из-за его мамы, которая очень нервничала. Мама увела меня домой, твердя, что так и знала, что всё плохо кончится и что сегодня я буду на ужин без сладкого. А я бы, пожалуй, опять встретился с Аньяном, но, кажется, его мама не очень этого хочет.

Интересно всё-таки знать: чего эти мамы хотят? Просто не знаешь, с кем же теперь играть?

В класс пришёл инспектор

Учительница вошла в класс очень взволнованная.

— Приехал инспектор и сейчас придёт сюда,— сказала она.— Я надеюсь на вас, вы должны произвести хорошее впечатление.

Мы обещали вести себя хорошо. Напрасно учительница волнуется: мы почти всегда серьёзные.

— Предупреждаю,— сказала учительница,— это новый инспектор. Старый к вам уже привык, но он ушёл на пенсию.

Потом учительница надавала нам кучу советов. Например, что не надо говорить, когда тебя не спрашивают, не надо смеяться, не надо бросаться шариками, как прошлый раз, когда инспектор поскользнулся на шарике и упал. И ещё она попросила Альцеста перестать есть, когда войдёт инспектор. И ещё сказала Клотеру — самому плохому ученику,— чтобы он не лез на глаза. Мы нашу учительницу очень любим и обещали ей всё, что она просила.

Учительница посмотрела, чисто ли в классе и чисты ли мы сами, и добавила, что класс, в общем, чище, чем некоторые из нас. И потом она попросила Аньяна налить свежих чернил в чернильницы на случай, если инспектор вздумает нам диктовать. Но только Аньян взял большую бутыль чернил и только собрался налить в чернильницы на первой парте — там, где сидят Кирилл и Йоахим,— как кто-то крикнул:

— Инспектор!!

Аньян с перепугу разлил чернила по всей парте. А никакого инспектора и не было. Наверное, кто-то подшутил. Учительница очень рассердилась.

— Я знаю, это ты крикнул, Клотер! Это всё твои глупые шутки! Ступай в угол!

Клотер расплакался, сказал, что, если он пойдёт в угол, инспектор его сразу там увидит и начнёт расспрашивать, а он ничего не выучил, и что он вовсе не шутил, а увидел в окно, как инспектор вместе с директором идут через двор, и что это правда. Учительница сказала:

— Хорошо, сиди на месте. Но досадно, что первая парта вся залита чернилами.

И тогда учительница велела эту парту перенести в самый последний ряд, где её не видно будет. Мы все взялись перетаскивать парту, и получилась очень смешная возня, потому что пришлось передвигать все скамейки. Мы очень веселились, и тут вошёл инспектор вместе с директором. Нам не пришлось вставать, когда они вошли, потому что никто не сидел.

— Это младшенькие!.. Они... они немного недисциплинированные,— сказал директор.

— Я вижу! — сказал инспектор.— Садитесь, дети!

Все сели, но Кирилл и Йоахим оказались спиной к доске, потому что мы повернули их парту, а перетащить не успели. Инспектор посмотрел на учительницу и спросил, всегда ли так сидят эти два ученика. У учительницы сделалось точь-в-точь такое лицо, как у Клотера, когда у него спрашивают урок, который он не выучил. Но она не заплакала.

— Маленькое недоразумение!..— сказала она.

У инспектора был недовольный вид.

— Надо обладать авторитетом! — сказал он учительнице.— Ну-ка, дети, поставьте парту на место.

Мы все вскочили, но инспектор закричал:

— Не все сразу, только вы двое!

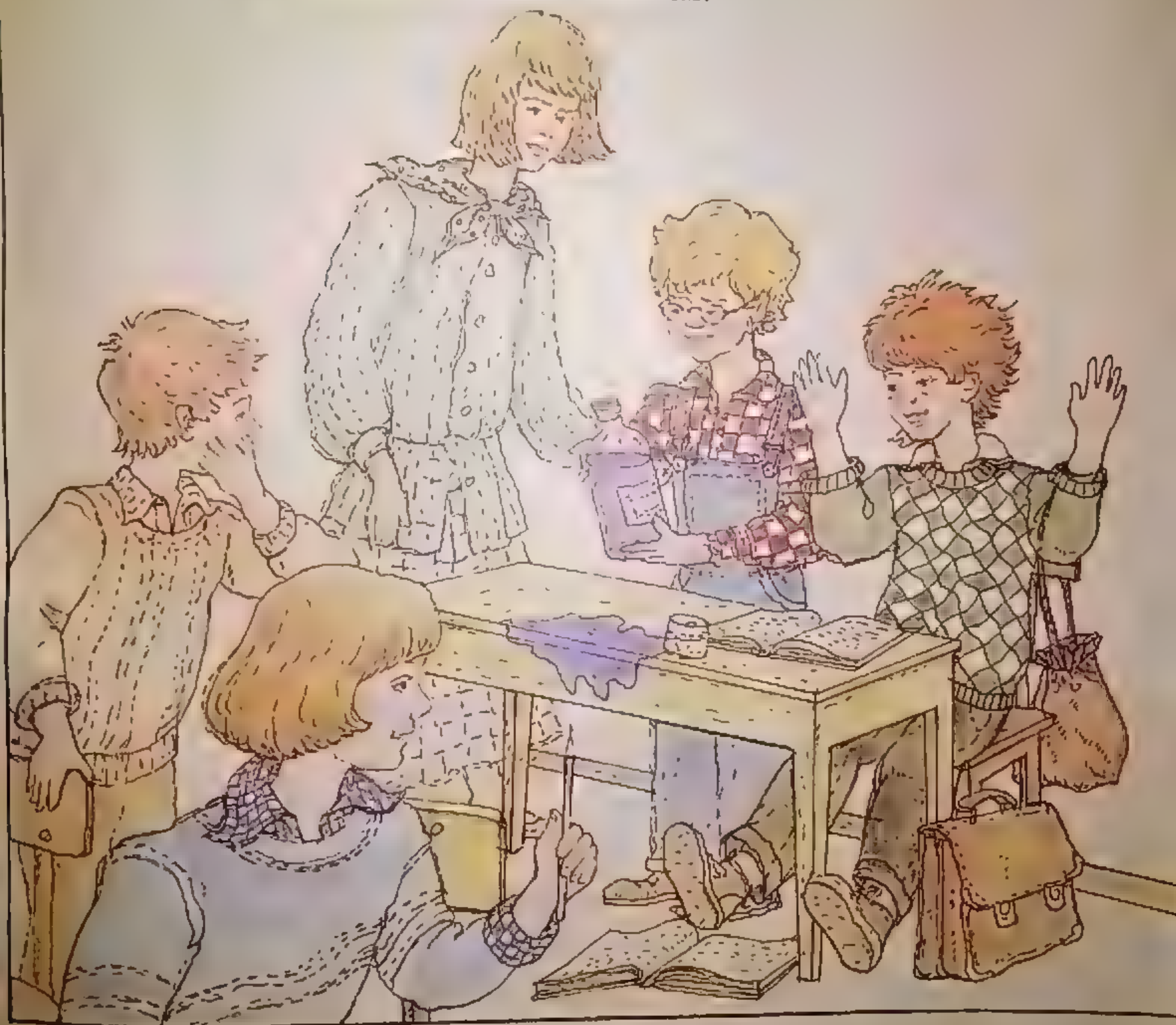
Кирилл и Йоахим повернули парту и уселись. Инспектор улыбнулся и опёрся руками о парту.

— Отлично! — сказал он. — А что вы делали перед моим приходом?

— Мы начали перетаскивать парту, — ответил Кирилл.

— Да и вообще, зачем вы таскали эту парту? — закричал инспектор.

— Из-за чернил, — сказал Йоахим.

— Из-за чернил? — спросил инспектор и посмотрел на свои руки, которые были совершенно синими. Инспектор громко вздохнул и вытер пальцы платком.

Мы все заметили, что инспектор, учительница и директор не собирались смеяться. Мы стали совсем тихими.

— Я вижу, у вас неувязки с дисциплиной,— сказал инспектор учительнице. Потом повернулся к нам и широко улыбнулся.— Дети, я хочу быть вашим другом. Не надо меня бояться! Я знаю, что вы любите шутить, и я тоже, я очень люблю посмеяться. Между прочим, знаете ли вы историю про двух глухих? Один глухой говорит другому: «Ты идёшь на рыбалку?», а тот отвечает: «Нет, я иду на рыбалку!» Тогда первый говорит: «Ах, вот как! А я думал, ты идёшь на рыбалку!..»

Жалко, что учительница предупредила нас, чтобы мы не смеялись без разрешения,— ужас как трудно было удержаться! Непременно расскажу эту историю папе: пускай похохочет, я уверен, что он её не знает. Инспектор, который ни у кого не

должен был спрашивать разрешения, очень смеялся, но, когда увидел, что весь класс молчит, опять нахмурился, покашлял и сказал:

— Ну, хорошо, хватит смеяться! За работу!

— Мы только что занимались басней,— сказала учительница,— «Ворона и Лисица».

— Отлично, отлично! — сказал инспектор.— Ну что ж, продолжайте!..

Учительница сделала вид, что ищет, кого бы спросить. И потом показала пальцем на Аньяна.

— Вот вы, например, Аньян! Прочтите нам басню!

Но инспектор поднял руку.

— Разрешите? — спросил он учительницу и потом показал на Клотера: — Вот вы там, сзади! Прочтите мне эту басню наизусть!

Клотер открыл рот и заревел.

— Что с ним такое? — спросил инспектор.

Учительница сказала, что его надо простить: он очень застенчивый. Тогда спросили Руфуса. Руфус — отчаянный парень, а папа его — полицейский. Руфус сказал, что он не знает басню наизусть, но знает приблизительно, в чём там дело, и начал объяснять, что эта история про одну ворону, которая держала во рту сыр рокфор.

— Рокфор?! — переспросил инспектор, который удивлялся всё больше и больше.

— Да нет же! — сказал Альцест. — Это был камамбер!

— Ничего подобного! — сказал Руфус. — Камамбер!.. Ворона не может держать в клюве камамбер: он жидкий и притом вонючий.

— Вонючий, да, но зато здорово вкусный, — ответил Альцест. — И вообще запах ничего не значит: мыло хорошо пахнет, а вкус ужасный. Я пробовал. Один раз.

— Ба! — сказал Руфус. — Ты дурак, и я скажу папе, чтоб он твоего отца как следует оштрафовал за что-нибудь.

И они подрались.

Все вскочили и зашумели, кроме Клотера, который продолжал плакать, и Аньяна, который отправился к доске читать «Ворону и Лисицу».

Учительница, инспектор и директор кричали:

— Довольно!!!

Когда всё кончилось и все опять сели, инспектор вынул платок и вытер лицо. Всё лицо стало в чернильных пятнах, и очень жалко, что мы не могли без спроса хохотать. Мы должны были терпеть до перемены, а это трудно.

Инспектор подошёл к учительнице и пожал ей руку.

NGERIE

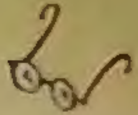
— Выражаю вам моё глубокое сочувствие, мадемуазель!.. Никогда до сегодняшнего дня я не знал, какая у нас с вами окаянная профессия. Но не падайте духом! Продолжайте! Смелее!

И очень быстро вышел вместе с директором.

Мы очень любим нашу учительницу, но она была страшно несправедлива: она нас всех оставила после уроков на час, а ведь именно из-за нас инспектор сказал ей: «Выражаю вам глубокое сочувствие!»

1 р. 20 к.

1-80

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Рене Госсини

МАЛЕНЬКИЙ НИК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Рассказы

Ответственный редактор Н. А. ТЕРЕХОВА
Художественный редактор М. А. ТРУБЕЦКОЙ
Технический редактор Е. П. КУДИЯРОВА
Корректор О. М. МАНЖУЛО

ИБ № 11993

Сдано в набор 13.11.89. Подписано к печати 16.05.90. Формат 84 x 90 1/16. Бум. офсетн. № 1. Шрифт бодони. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 4,05. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3778. Цена 1 р. 20 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190